

УДК 821.161.1

DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-3-108-119

**КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ И КНЯЗЬ МЫШКИН:
ОБРАЗ «ПОЛОЖИТЕЛЬНО ПРЕКРАСНОГО» ГЕРОЯ
У А. К. ТОЛСТОГО И Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

Шалина М. А.

*Евпаторийский институт социальных наук (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
г. Евпатория, Россия
E-mail: marie_ka@mail.ru*

В статье исследуются образы князя Никиты Серебряного в одноименном историческом сочинении А. К. Толстого и князя Льва Мышкина в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». Отмечено, каким важным и каким сложным было для обоих писателей создание неординарного образа героя, который резко отличается от окружающих и вместе с тем пленяет сердца других персонажей и читательской аудитории. Основными характеристиками этих героев являются черты, свойственные христианской личности: искренность, прямоту, по-детски открытое сердце, отсутствие эгоистических стремлений, патриотизм и преданность Православию как духовной основе русской нации. Объединяют образы Серебряного и Мышкина ключевые для них мотивы юродства и самопожертвования, что символизирует их особую миссию – служить моральными ориентирами для общества, потерявшего идеалы. Выявлены многочисленные переключки и взаимосвязи в сюжетной и образной структуре исследуемых произведений, что позволяет заключить, что при создании образа князя Мышкина Достоевский использовал не только опыт европейских классиков (Сервантеса, Диккенса, Гюго), но также вдохновлялся художественным примером своего соотечественника – А. К. Толстого.

Ключевые слова: А. К. Толстой, Ф. М. Достоевский, князь Серебряный, князь Мышкин, «положительно прекрасный» герой, литературная традиция, христианская аксиосфера.

ВВЕДЕНИЕ

А. К. Толстой и Ф. М. Достоевский были современниками. И связь – пусть и опосредованную – между этими писателями можно охарактеризовать как символически значимую в биографии автора «великого пятакнижия».

Как пишет В. И. Новиков, личное знакомство Достоевского с поэтом и его супругой Софьей Андреевной, урожденной Бахметевой, в первом браке – Миллер, произошло в Дрездене. Узнав о том, что Федор Михайлович терпит материальную нужду вследствие крупного проигрыша на рулетке, граф Толстой сразу предложил ему помощь, не надеясь, впрочем, на скорое возвращение долга [8]. Об этом Достоевский вспоминал с благодарностью и заверениями о том, что помнит о долге¹.

¹ В письме к неустановленному лицу от 5 декабря 1863 г. из Петербурга Достоевский сообщал: «Вы меня так радушно одолжили в Дрездене, а граф [Толстой] так искренно прямо протянул мне руку, а я отсюда до сих пор ни слова <...> Убедительно прошу Вас, с получением этого письма, написать от себя графу (вероятно, Вы знаете, куда писать ему), и уведомить его, что я писал Вам, и изложить при этом все, что написал я Вам теперь о потере адресов и проч. Мне было бы слишком тяжело, если такой прекрасный, добрый человек, который сам первый протянул мне руку, худо обо мне подумает. А что может он думать обо мне теперь после такого долгого и неделикатного молчания с моей стороны? Что можете подумать Вы, так одолживший меня? Я потому прошу Вас написать обо мне графу, что, думаю, мое письмо к нему (которое отсылаю с этой же почтой) опоздает без точного адреса. И потому чем скорее он узнает, в чем дело, тем лучше. Напишите ему тоже, чтобы он дал мне адрес: куда выслать мне ему долг мой?» [1, с. 307].

О внимании к творчеству А. К. Толстого и высокой оценке Достоевским сочинений поэта и драматурга свидетельствуют следующие факты. Анна Григорьевна Достоевская отмечала, что писатель «собирался в начале февраля 1881 г. сыграть роль схимника» в домашней постановке драмы Толстого «Смерть Иоанна Грозного» [2, с. 371]. Чрезвычайно нравилась Достоевскому баллада «Илья Муромец», отрывок из нее он с «большим воодушевлением» прочел со сцены на литературном вечере в пользу Славянского благотворительного общества 30 ноября 1880 года [1, с. 307]. Любовь Федоровна, дочь писателя, вспоминала, что однажды отец «начал знакомить нас со стихотворениями Пушкина и Алексея Толстого, двух русских поэтов, которых он больше всего любил» [3, с. 152–153]. Не известно, знал ли Достоевский об участии Алексея Толстого и братьев Жемчужниковых в литературном «проекте» «Козьма Прутков», однако отдал должное таланту и остроумию автора в своих «Зимних заметках о летних впечатлениях» [4, т. 5, с. 56]. В 1862 году, через посредство Якова Полонского, Достоевский (С. В. Белов настаивает на том, что это был именно Федор Михайлович, а не его брат, поскольку именно у первого были более близкие отношения с Я. Полонским в этот период [1, с. 306]) просит исторический роман Толстого «Князь Серебряный» для публикации в журнале «Время», однако граф уже обещал его Каткову в «Русский вестник», где роман с посвящением императрице и увидел свет. С рукописью «Князя Серебряного» Достоевский был знаком, и роман произвел на него впечатление, очевидно, не только собственно художественной поэзией, но и осмыслением современности сквозь призму истории. За творчеством А. К. Толстого Достоевский следил, интересовался им, и внимание автора исторических сочинений к древнерусской культурной и ценностной национальной основе находило отклик как в его сердце, так и в художественной мысли.

История изучения творческих взаимосвязей и перекличек А. К. Толстого и Ф. М. Достоевского тем не менее насчитывает не так много работ, проблема явно обделена заслуженным исследовательским вниманием¹. Так, известно, что критика сравнивала образ сына Ивана Грозного – Федора – из драмы Алексея Толстого «Царь Фёдор Иоаннович» с князем Мышкиным, поскольку он, «несмотря на свою умственную ограниченность, способен иногда иметь взгляды, не уступающие мудростью государственным взглядам Годунова» [8]. А. В. Тоичкина сопоставляет типы конфликтов, художественно воплощенных в трагедии А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович» и в романе Достоевского «Идиот», уделяя внимание специфике трагического конфликта в эпической форме романа. По замечанию исследователя, «сходство князя Мышкина и царя Федора очевидно: их объединяет любовь к ближнему, стремление к самопожертвованию, прощению и состраданию, детские (в высоком смысле этого слова) черты героев (оба героя... “последние в княжеском

¹ В основательном коллективном сборнике статей «Роман Ф. М. Достоевского “Идиот”: современное состояние изучения» под редакцией Т. А. Касаткиной» (2001) [9] рассмотрены различные аспекты поэтики романа, предложены полемические трактовки образа центрального героя, между тем как вопрос литературных традиций затронут лишь фрагментарно (пушкинский контекст, Мышкин и Обломов, роль книги Э. Ренана) и нуждается в дальнейших исследованиях.

роде”)), при этом «характеры их являются источником трагического конфликта в обоих произведениях, который может быть обобщенно определен как несоответствие идеала и действительности» [10, с. 76].

Следует отметить статью В. С. Ключева «Черты сходства психологического облика князя Серебряного (А. Толстой) и князя Мышкина (Ф. Достоевский)», опубликованную в 1980 г., где автор намечает основные линии типологического сопоставления духовно родственных героев, «черты сходства композиции и близости принципов построения образов» [7]. В соответствии с доминантным социологическим направлением советского литературоведения исследователь сосредоточивает внимание на том, что образы обоих «положительно прекрасных» героев противостоят «бесчеловечному деспотическому обществу»: Серебряный как вымышленный персонаж – историческим лицам Ивана Грозного и его слугам-опричникам, творящим произвол, а Мышкин – «тоцким и епанчиным» – представителям буржуазно-дворянского общества, «сильным мира сего» [7, с. 83]. Ключев отмечает, что герои «сконструированы авторами в соответствии с их идеалами» [там же], мотив же юродства в отношении Серебряного и Мышкина маркирует их чуждость миру, отошедшему от идеала. Безусловно, наблюдения, сделанные ученым, можно и должно развить и дополнить, не только в рамках социально-философской проблематики, но шире – в аспектах поэтики и художественной аксиологии писателей-современников, а кроме того, рассмотреть образ князя Серебряного как литературного предтечу князя Мышкина, на которого Достоевский вполне сознательно ориентировался при создании «положительно прекрасного» героя.

Цель данной статьи – сопоставить образы князя Серебряного А. К. Толстого и князя Мышкина Ф. М. Достоевского в свете авторского идеала обоих писателей, выявить характер и специфику наследования Достоевским художественных традиций Толстого в создании положительного героя.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Прежде всего, следует отметить близость аксиосфер писателей, обусловленных христианскими убеждениями, историософскими взглядами на современную социальную ситуацию как зеркало духовного состояния общества. С разницей в 6 лет писатели публикуют романы, в которых заглавные герои – носители авторского идеала, положительные лица, однако, резко противопоставленные обществу, чуждые этому миру, воспринимаемые другими персонажами как весьма симпатичные, но чудаки.

Разработка характеров обоих *князей* была сложной и важной задачей как для Толстого, так и для Достоевского. Писатели стремились заинтересовать читателей нестандартными образами героев, выделяющихся, как бы выпадающих из общих рамок, вместе с тем, пленяющих читательское сердце определенными положительными качествами. Такими достоинствами в них становятся честность, прямотушие, граничащее с детской наивностью; отсутствие эгоизма, лишаящее человека всяких тщеславных устремлений, что окружающим кажется глупостью; при этом – патриотизм и верность христианству.

О князе Никите Романовиче Серебряном автор писал в 1856 г.: «Я часто думал о характере, который надо было бы ему дать, <...> я думал сделать его глупым и храбрым, дать хорошую глупость <...>. Нельзя ли было бы его сделать очень наивным... то есть сделать человека очень благородного, не понимающего зла, но который не видит дальше своего носа... Если бы сделать это художественно, можно было бы заинтересовать читателя подобным характером» [12, т. 4, с. 324.]. Работа над романом растянулась почти на 15 лет, при этом Толстой признавался, что, несмотря на многолетний перерыв, он его «не покинул» и по-прежнему очень любит эту вещь. Без сомнения, особой ценностью для автора обладал именно образ князя Серебряного, в котором, по признанию современников и биографов, отразились сокровенные свойства характера самого графа Толстого, тяготившегося придворной службой и тщанием о карьерном росте.

Князю Мышкину Достоевский доверяет особо значимые в собственной биографии факты: «священную» болезнь – эпилепсию, равно как и уникальное откровение о моменте молниеносного просветления, «удесятерения сознания», когда душа и разум достигают «молитвенного слития с самым высшим синтезом жизни», когда становится понятным «слово о том, что *времени больше не будет*» [курсив Достоевского – М. III. – 4, т. 8, с. 187–189]; размышления о картине Ганса Гольбейна Младшего «Мертвый Христос в гробе», поразившей его в швейцарской художественной галерее («Да от этой картины у иного еще вера может пропасть!» [4, т. 8, с. 182]. И самое главное – посредством героя писатель обнаружит собственные сокровенные ощущения и переживания человека, который «был раз взведен, вместе с другими, на эшафот, и ему прочитан был приговор смертной казни расстрелянием, за политическое преступление. Минут через двадцать прочтено было и помилование и назначена другая степень наказания; но, однако же, в промежутке между двумя приговорами, двадцать минут или по крайней мере четверть часа, он прожил под несомненным убеждением, что через несколько минут он вдруг умрет» [4, т. 8, с. 51].

Идея и «главная мысль» романа «Идиот», по признанию Ф. М. Достоевского, была его «старинная и любимая, но до того трудная», что он «долго не смел браться за нее», а именно – «изобразить положительно прекрасного человека» [4, т. 28-2, с. 251]. Эту задачу автор оценивал «безмерной», поскольку «прекрасное есть идеал, а идеал – ни наш, ни цивилизованной Европы – еще далеко не выработался» [там же]. По убеждению писателя, «на свете есть одно только положительно прекрасное лицо Христос, так что явление этого безмерно, бесконечно прекрасного лица уж конечно есть бесконечное чудо». Примерами таких «прекрасных лиц в литературе христианской» Достоевский называет Дон Кихота Сервантеса диккенсовского Пиквика и Жана Вальжана В. Гюго. Первый «прекрасен единственно потому, что в то же время и смешон. Пиквик Диккенса <...> тоже смешон и тем только и берет. Является сострадание к осмеянному и не знающему себе цены прекрасному – а, стало быть, является симпатия и в читателе. <...> Жан Вальжан, тоже сильная попытка, – но он возбуждает симпатию по ужасному своему несчастью и несправедливости к нему общества» [там же].

Заметим, что и Толстой, и Достоевский делают ставку на сострадание к смешному и «не знающему себе цены прекрасному» [4, т. 28-2, с. 251]. Вспомним, что архиерей Тихон в «Бесах» указывает Николаю Ставрогину на то, что тот в эффекте от шокирующей исповеди, которой намерен потрясти современников, не выдержит именно *смеха* над собой и своими ужасающими поступками. Князь Серебряный и князь Мышкин – оба не боятся осмеяния, поскольку сердца и умы их не поражены гордыней.

Между тем Достоевский значительно усложнит образ честного, благородного, но наивного, не видящего «дальше своего носа» героя. Мышкин, при всей своей детской наивности обладает особой прозорливостью, «читает» людей и события безошибочно, минуя защитные маски и предвидя исход.

Объем художественных перекличек между произведениями впечатляет. Так, возраст центральных персонажей почти одинаков: Никите Романовичу Серебряному 25 лет, Льву Николаевичу Мышкину – 26. Оба героя возвращаются в Россию из-за границы, куда были отправлены не по своей воле: князь Серебряный – из Литвы, где 5 лет по приказу царя Иоанна Грозного нес дипломатическую миссию при короле Жигимонте (Сигизмунде II Августе); князь Мышкин – из Швейцарии, где так же, «лет около пяти», по инициативе своего попечителя Павлищева проходил курс лечения от нервной болезни по специальной методике. Никита Романович по возвращении сталкивается с поистине сатанинским разгулом опричнины, не веря, что сие может быть по воле царя – помазанника Божия. Князь «разделял убеждения своего века в божественной неприкосновенности прав Иоанна; он умственно подчинялся этим убеждениям и, более привыкший действовать, чем мыслить, никогда не выходил преднамеренно из повиновения царю, которого считал представителем Божией воли на земле» [12, т. 2, с. 224–225]. Мышкин едет на родину с убеждением в богоносности русской земли и исключительной роли России, сохранившей в народно-национальной почве «русского Христа», а попадает в «перевернутый» апокалиптический мир, где царствуют разврат, ложь, жажда наживы и богатства любой ценой, где сильные мира сего прячут под личинами благопристойности предательство Христовых заповедей.

Видится, что в создании образа князя Мышкина Достоевский опирался не только на опыт европейских классиков, но и на художественный пример своего соотечественника – А. К. Толстого.

Роман «Князь Серебряный» опубликован более, чем на 5 лет ранее «Идиота», однако работа над произведением была начата много раньше, первые главы Толстой читал Гоголю летом 1850 г. Его интерес к истории и фольклору продиктован не только тяготением к романтической эстетике, а также исследовательским увлечением историей в интерпретации Н. Карамзина (отметим исключительное значение «Истории государства Российского» и для Достоевского), но и личным стремлением разобраться в «исходных началах» русской ментальности, национального культурного кода, дабы осознать путь развития России. Осмысление периода правления Иоанна Грозного и его последствий Толстой видит особенно важным, посвящая ему не только исторический роман об опричнине, но драматическую трилогию «Смерть Иоанна Грозного» (1866), «Царь Федор Иоаннович» (1868), «Царь

Борис» (1870). Московский период российской истории был так же ненавистен Толстому, как Петербургский (реформы Петра I) – Достоевскому. В нем видел писатель разрушительное влияние азиатской жестокости и зарождение в русском человеке рабского послушания перед обезумевшей карающей силой.

Портретное описание князя Никиты Романовича Серебряного прозрачно обрисовывает основу характера героя: «Наружность князя соответствовала его нраву. Отличительными чертами более приятного, чем красивого лица его были *простосердечие* и *откровенность*. В его темно-серых глазах, осененных черными ресницами, наблюдатель прочел бы необыкновенную, бессознательную и как бы *невольную решительность*, не позволявшую ему ни на миг задуматься в минуту действия. Неровные взерошенные брови и косая между ними складка указывали на некоторую *беспорядочность и непоследовательность в мыслях*. Но мягко и определительно изогнутый рот выражал честную, ничем не поколебимую твердость, а улыбка – *беспритязательное, почти детское добродушие*, так что иной, пожалуй, почел бы его ограниченным, если бы благородство, дышащее в каждой черте его, не ручалось, что *он всегда постигнет сердцем, чего, может быть, и не сумеет объяснить себе умом*» [Выделения принадлежат нам. – М. Ш. – 12, т. 2, с. 78].

Достоевский, согласно своему убеждению, что оценки героев и событий в произведении читатель должен сформулировать самостоятельно, не столь прямолинеен в характеристике Мышкина. По первым портретным описаниям мы узнаем о том, что он «роста немного повыше среднего, очень белокур, густоволос, со впалыми щеками и с легонькою, востренькою, почти совершенно белою бородкой. Глаза его были большие, голубые и пристальные; во взгляде их было что-то тихое, но тяжелое, что-то полное того странного выражения, по которому некоторые угадывают с первого взгляда в субъекте падучую болезнь», в глаза собеседникам бросались «толстоподошвенные башмаки с штиблетами» [4, т. 8, с. 6]. Интересно, что в портрете Достоевского в 1846 году (когда ему около 25 лет), оставленном доктором С. Д. Яновским, выделены похожие детали: «глаза небольшие светло-серые и чрезвычайно живые, губы тонкие и постоянно сжатые, придававшие всему лицу выражение какой-то сосредоточенной доброты и ласки; волосы у него были более чем светлые, почти беловатые и чрезвычайно тонкие или мягкие, кисти рук и ступни ног примечательно большие», при осмотре выявлены неравномерные удары сердца и «не ровный и замечательно сжатый» пульс, «как бывает у женщин и у людей нервного темперамента» [13, с. 231].

Если о Серебряном Годунов говорит с удивлением: «ты, князь, ничего не умеешь хоронить в себе. О чем ты ни подумаешь, все у тебя на лице так и напишется» [12, т. 2, с. 363], то Достоевский наделяет князя Мышкина умением безошибочно читать чужие лица и все, что в душе человека, фокусируясь, впрочем, на лучшем и добром в каждом.

Отличительной чертой обоих авторы подчеркивают *простодушие* («Гм... по крайней мере простодушны и искренны, а сие похвально!», – говорит о Мышкине Лебедев [4, т. 8, с. 7]. Серебряный «отвечал простодушно» Годунову, что не знает, была ли за ним слезка, когда он всходил к тому на крыльцо [12, т. 2, с. 346]. «Годунов взглянул с удивлением на Никиту Романовича. Он не мог привыкнуть к простоте

князя, и равнодушие его к собственной жизни показалось Годунову неестественным» [12, т. 2, с. 347]. Правдолюбием же князь Серебряный отличался с малолетства: «А помнишь ли, Никитушка, <...> как ты ни в какой игре обмана не терпел? Бороться ли с кем начнешь али на кулачках биться, скорей дашь себя на землю свалить, чем подножку подставишь или что против уговора сделаешь. Все, бывало, снесешь, а уж лукавства ни себе, ни другим не позволишь!», – вспоминает былое Дружина Морозов [12, т. 2, с. 110].

«Неотмирность», ощущаемая всеми странность обоих героев значимо сближает их в мотиве *юродства*. В «Князе Серебряном» персонаж, воплощающий любимого народом Василия Блаженного, встречается князя у царского дворца, предвидя гнев Иоанна и его кару за отпор опричникам:

«– Микитка, Микитка! <...> – Куда ты заехал?»

Серебряный никогда не видал этого человека и удивился, что он называет его по имени.

– Разве ты знаешь меня? – спросил он.

Блаженный засмеялся.

– Ты мне брат! <...> Я тотчас узнал тебя. Ты такой же блаженный, как и я. И ума-то у тебя не боле моего, а то бы ты сюда не приехал. Я все твое сердце вижу. У тебя там чисто, чисто, одна голая правда; мы с тобой оба юродивые!» [12, т. 2, с. 102].

В современных Достоевскому словарных дефинициях под «*идиотом*» понимали человека «малоумного, несмысленного от рождения, тупого, убогого, юродивого» [11, с. 8] или «человека полоумного, тупого, но кроткого, не подверженного припадкам бешенства, которого у нас называют *дурачком* или *дурнем*» [Курсив принадлежит автору. – М. Ш. – 6, с. 75–76]. В понимании Достоевского, юродство – глубоко христианская, кроме того, исконно русская черта, которая является «противовесом» эгоизму, «закону Я» [см. 4, т. 20, с. 172]. Отмечено, что «христоцентричные герои Достоевского, как правило, вынуждены проходить в своей сюжетной судьбе через поругание, являющееся своеобразным аналогом страстей Господних. В результате юродское становится выражением святости героев в миру» [5, с. 131]. Юродивые, блаженные, или «Божьи люди» – выразители народного идеала, в почитании которого писатель видел одно из проявлений христианского духа народа. Вопреки реальной смертельной угрозе, народ защищает блаженного Васю от царского гнева в «Князе Серебряном»: «– Не тронь его! – слышалось в толпе. – Не тронь блаженного! В наших головах ты волен, а блаженного не тронь!» [12, т. 2, с. 343].

Княжеский титул в контексте произведений, как у Никиты Романовича Серебряного, так и у Льва Николаевича Мышкина говорит более о благородстве героев, а также о связи с древними народно-национальными корнями, нежели о сословном превосходстве. Так, Мышкин простосердечно разговаривает с камердинером в доме Епанчиных, чем приводит того в тупик и вызывает мысли о том, что «князь просто дурачок и амбиции не имеет, потому что умный князь и с амбицией не стал бы в передней сидеть и с лакеем про свои дела говорить» [4, т. 8,

с. 18]¹; Никита Романович же соглашается на крестовое братание с Максимом Скуратовым, много ниже себя по происхождению и званию: «Чем ты не брат мне? Знаю, что мой род честнее твоего, да то дело думное и разрядное; а здесь, перед татарами, в чистом поле, мы равны, Максим Григорьич, да везде равны, где стоим пред Богом, а не пред людьми» [12, т. 2, с. 279].

Мотив крестового братания также роднит художественные тексты Толстого и Достоевского с той разницей, что для Максима Скуратова древний обряд обмена крестами имел священное значение, потребность в нем исходила из глубины христианского сердца юноши, нашедшего идеал правды и духовного брата, крепче кровного родства, в лице князя Никиты Романовича. Своему отцу, грозному главе опричников Малюте Скуратову, он смело заявляет: «Как услышал князя Серебряного, как узнал, что он твой объезд за душегубство разбил и не заперся перед царем в своем правом деле, но как мученик пошел за него на смерть, тогда забилось к нему сердце мое, как ни к кому еще не бивалось, и вышло из мысли моей колебание, и стало мне ясно как день, что не на вашей стороне правда!» [12, т. 2, с. 149]. Парфен Рогожин инициирует крестовое братание с князем Мышкиным в тайной надежде пресечь свое желание убить соперника, однако даже святотатство нарушения клятвы не останавливает его руку, занесшую нож над крестовым братом.

Есть символические параллели и в любовных линиях романов, а также в мотиве невозможности земного личного счастья для обоих героев. Возлюбленная князя Серебряного Елена в годы его отъезда вынуждена выйти замуж, спасаясь от преследования одержимого страстью к ней Афанасия Вяземского, любимца Иоанна Грозного. По возвращении Никиты Романовича для влюбленных становится очевидным, что сила чувства все так же сильна в них обоих, но связь между ними более невозможна. По итогам трагических событий Елена становится вдовой, однако в смерти супруга боярина Дружины Морозова винит себя и потому принимает монастырский постриг, навсегда умирая как для мира, так и для возлюбленного. Князь Мышкин, полюбив Аглаю Епанчину и даже сделав ей предложение, расстраивает помолвку, намереваясь жениться на Настасье Филипповне – не по любви, но из христианского сострадания и желания спасти ее от неминуемой гибели в руках Рогожина. Отметим, что перекликается даже семантика света в женских именах избранниц героев: Елена – от греч. «светлая, сияющая», Аглая – от греч. «красота, блеск».

В романе «Князь Серебряный» встречаем и персонажа с настоящим «подпольным синдромом» будущих героев-шутков Достоевского. Это Федор Басманов, приближенный Иоанна Грозного, поражающий своим разнузданным

¹ Сравним: «Генеральша была из княжеского рода Мышкиных, рода хотя и не блестящего, но весьма древнего, и за свое происхождение весьма уважала себя» [4, т. 8, с. 15]. Или: «Князь N., этот милый, этот бесспорно остроумный и такого высокого чистосердечия человек, был на высшей степени убеждения, что он – нечто в роде солнца, взшедшего в эту ночь над гостиной Епанчиных. Он считал их бесконечно ниже себя, и именно эта простодушная и благородная мысль и породила в нем его удивительно-милую развязность и дружелюбность к этим же самым Епанчиным» [4, т. 8, с. 445].

эпатажным поведением. Встретившись с ним на ратном поле и вместе одолев врага, Никита Романович обращается к царскому опричнику: «Грешно, Федор Алексеич! <...> Брось же свой бабий обычай, остриги волосы, как Бог велит, сходи на покаяние в Киев или в Соловки, да и вернись на Москву христианином!» [12, т. 2, с. 287], на что Басманов отвечает (как Лебедев бы ответил Мышкину): «Ну, не сердись, не сердись, Никита Романыч! Сядь сюда, пообедай со мной, ведь я не пес же какой, есть и хуже меня; да и не все то правда, что про меня говорят; не всякому слуху верь. *Я и сам иногда с досады на себя наклеплю!*». При этом Серебряный (как и Мышкин!) «обрадовался, что может объяснить поведение Басманова в лучшую сторону» [12, т. 2, с. 288. – Курсив наш. – М. Ш.].

Выделим здесь особо глубокую соприродность героев христианскому вероучению. Проще говоря, оба они – истинные христиане, не только и не столько по традиции, сколько по внутреннему зову соответствовать высшему идеалу – Христу. Неслучайно, один из первоначальных замыслов Достоевского, предшествовавших «Идиоту», – создать роман «Христианин» [4, т. 9, с. 115].

Немаловажной составляющей «положительно прекрасного» героя в концепциях А. К. Толстого и Ф. М. Достоевского выступает искренняя, горячая любовь к Отчеству и Православию как его национально-духовной основе. Так, разбойник Ванюха Перстень сближает Никиту Серебряного с легендарным Ермаком, покорителем Сибири: «Как заговорил ты про святую Русь да загорелись твои очи, так я и вспомнил Ермака Тимофеича. Любит он родину, крепко любит ее, нужды нет, что станичник» [12, т. 2, с. 273]. Свои убеждения в истинности православного христианства, «русского Света» и ложности католичества князь Мышкин отстаивает на светском вечере у Епанчиных, практически шокируя элиту своей прямолинейностью и патриархальными убеждениями. Не боясь ни осуждения, ни осмеяния, он ратует за «русскую цивилизацию» и за то, «чтобы воссиял в отпор Западу наш Христос, которого мы сохранили и которого они и не знали!» [4, т. 8, с. 451–452]¹. Нравственные принципы Серебряного, глубинно соответствующие христианской этике, контрастируют с образом Ивана Грозного, фанатично верующего в Господа и творящего сатанинский беспредел. Так же противопоставлен окружению и Мышкин, по словам очевидцев, «ревностных христиан» [4, т. 8, с. 317], выросший в иной традиции, в Швейцарии, однако стремящийся сердцем и душой в Россию, к «русскому Христу».

Закономерно, что общей в концепциях образов «положительно прекрасных» героев-христиан является их *жертвенность*. Князь Серебряный сложил голову в битве с татарами, защищая русскую землю и зная, что «он в жизни исполнил долг свой, насколько позволило ему умение», что «он шел прямою дорогой и ни разу не уклонился от нее умышленно» [12, т. 2, с. 373]. В трагическом противостоянии с дисгармоничным миром гибнет князь Мышкин, погружаясь в стихию безумия. Однако им посеяны семена христианской любви к ближнему, а значит, жертва принесет свой плод в будущем.

¹ «– Но позвольте же, позвольте же, – забеспокоился ужасно Иван Петрович, озираясь кругом и даже начиная трусить, – все ваши мысли, конечно, похвальны и полны патриотизма, но все это в высшей степени преувеличено и... даже лучше об этом оставить...» [4, т. 8, с. 452].

ВЫВОДЫ

Как пишет в авторском заключении А. К. Толстой, «лица, подобные Василию Блаженному <...> или Серебряному, являлись нередко как светлые звезды на безотрадном небе нашей русской ночи, но, как и самые звезды, они были бессильны разогнать ее мрак, ибо светились отдельно и не были сплочены, ни поддерживаемы общественным мнением» [12, т. 2, с. 389]. Праведников всегда единицы, «тяжело не упасть в такое время, когда все понятия извращаются, когда низость называется добродетелью, предательство входит в закон, а самая честь и человеческое достоинство почитаются преступным нарушением долга», однако как А. К. Толстой, так и Ф. М. Достоевский, своим художественным творчеством убеждают читателя в том, что жизнь погибших в мире (или для мира) «светочей» «не прошла даром, ибо ничто на свете не пропадает, и каждое дело, и каждое слово, и каждая мысль вырастает, как дерево» [12, т. 2, с. 389]. Романтическая по своей природе мысль А. К. Толстого о трагическом несоответствии идеала и действительности в декорациях исторического прошлого России эпохи Ивана Грозного получает продолжение в романе Достоевского, где драма чуждости «положительно прекрасного человека» современному социуму обретает звенящую реалистическую и вневременную остроту. Писатели солидарны в том, что поруганный и поверженный идеал прорастет семенами добра и истины в последующих поколениях.

Список литературы

1. Белов С. В. Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение». Т. II. – СПб.: Алетейя, 2001. – 544 с.
2. Достоевская А. Г. Воспоминания: [о Ф. М. Достоевском]. – М.: Художественная литература, 1981. – 518 с.
3. Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении своей дочери. – СПб.: Андреев и сыновья, 1992. – 244 с.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
5. Достоевский. Эстетика и поэтика: словарь-справочник / сост. Г. К. Щенников, А. А. Алексеев. – Челябинск: Металл, 1997. – 272 с.
6. Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кириловым. – СПб.: Типография Губернского правления, 1845. – 324 с.
7. Клюев В. С. Черты сходства психологического облика князя Серебряного (А. Толстой) и князя Мышкина (Ф. Достоевский) // Проблемы психологизма в художественной литературе. – Томск: Изд-во Томского университета, 1980. – С. 80–89.
8. Новиков В. И. Алексей Константинович Толстой [Электронный ресурс]. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 283 с.
9. Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. Сборник работ отечественных и зарубежных ученых под редакцией Т. А. Касаткиной. – М.: Наследие, 2001. – 560 с.
10. Тоичкина А. В. Князь Мышкин и царь Федор Иоаннович (к проблеме соотношения эпического и трагического в романе «Идиот») // Достоевский и мировая культура. – СПб., 2008. – № 24. – С. 76–82.

11. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. – 2-е изд., испр. и знач. умнож. по рукописи авт. Т. 1–4. – СПб.: М.О. Вольф, 1880–1882. – Т. 2: И – О. – 1881. – 807 с.
12. Толстой А. К. Собрание сочинений : в 4 т. – М. : Правда, 1980.
13. Яновский С. Д. Воспоминания о Достоевском // Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников. : в 2 т. – Т.1. – М.: Худож. лит., 1990. – 623 с.

References

1. Belov S. V. *Enciklopedicheskij slovar` «F. M. Dostoevskij i ego okruzenie»*. T. II [Encyclopedic Dictionary “F. M. Dostoevsky and his entourage.” Vol.II]. Saint Petersburg, Aletejya Publ., 2001. 544 p.
2. Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya: [o F. M. Dostoevskom]* [Memoirs: [about F. M. Dostoevsky]. Moscow, Xudozhestvennaya literatura Publ., 1981. 518 p.
3. Dostoevskaya L. F. *Dostoevskij v izobrazhenii svoej docheri* [Dostoevsky in the image of his daughter]. St. Petersburg, Andreev i sy`nov`ya, 1992. 244 p.
4. Dostoevskij F. M. *Polnoe sobranie sochinenij: v 30 tomax* [Complete works: in 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ. 1972–1990.
5. *Dostoevskij. E`stetika i poe`tika : slovar`-spravochnik* [Dostoevsky. Aesthetics and poetics: dictionary-reference book]. Ed. by G. K. Shhennikov. Chelyabinsk, Metall Publ., 1997. 272 p.
6. *Karmannyj slovar` inostrannyx slov, voshedshix v sostav russkogo yazyka, izdavaemyj N. Kirilovym* [Pocket dictionary of foreign words included in the Russian language, published by N. Kirilov]. Saint Peterburg, Tipografiya Gubernskogo pravleniya Publ., 1845. 324 p.
7. Klyuev V. S. *Cherty` sxodstva psixologicheskogo oblika knyazya Serebryanogo (A. Tolstoj) i knyazya My`shkina (F. Dostoevskij)* [Similarities between the psychological appearance of Prince Serebryany (A. Tolstoy) and Prince Myshkin (F. Dostoevsky)]. *Problemy` psixologizma v xudozhestvennoj literature*. Tomsk, Tomsk University Publishing House, 1980, pp. 80–89.
8. Novikov V. I. *Aleksej Konstantinovich Tolstoj* [Alexey Konstantinovich Tolstoy] [Electronic resource]. Moscow, Young Guard Publ., 2011. 283 p.
9. *Roman F. M. Dostoevskogo «Idiot»: sovremennoe sostoyanie izucheniya. Sbornik rabot otechestvennyh i zarubezhnyh uchenyh pod redakciej T. A. Kasatkinoj* [F. M. Dostoevsky's novel "The Idiot": the current state of study. A collection of works by domestic and foreign scientists edited by T. A. Kasatkina]. Moscow, Heritage Publ., 2001. 560 p.
10. Toichkina A. V. *Knyaz` My`shkin i czar` Fedor Ioannovich (k probleme sootnosheniya e`picheskogo i tragicheskogo v romane «Idiot»)* [Prince Myshkin and Tsar Fyodor Ioannovich (to the problem of the relationship between the epic and the tragic in the novel “The Idiot”)]. *Dostoevskij i mirovaya kul`tura*. Saint Petersburg, 2008, no. 24, pp.76–82.
11. *Tolkovyj slovar` zhivogo velikorusskogo yazyka Vladimira Dallya* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language by Vladimir Dahl]. Vol. 1-4. Saint Peterburg, M.O. Vol`f Publ., 1880–1882. Vol. 2: I – O. 1881. 807 p.
12. Tolstoj A. K. *Sobranie sochinenij: v 4 tomah* [Collected works: in 4 volumes]. Ed. by I. G. Yampolskiy. Moscow, Pravda Publ., 1980.
13. Yanovskij S. D. *Vospominaniya o Dostoevskom* [Memories of Dostoevsky]. *Dostoevskij F. M. v vospominaniyax sovremennikov. V 2 t. Vol.1*. Moscow, Artist. lit. Publ., 1990. 623 p.

**PRINCE SEREBRENNI AND PRINCE MYSHKIN:
THE IMAGE OF A “POSITIVELY BEAUTIFUL” HERO IN THE NOVELS BY
A. K. TOLSTOY AND F. M. DOSTOEVSKY**

Shalina M. A.

The article offers a study of the images of Prince Nikita Serebryany in the historical work of the same name by A. K. Tolstoy and Prince Lev Myshkin in the novel by F. M. Dostoevsky "The Idiot" in light of the concept of a "positively beautiful" person. It is noted how important and how difficult it was for both writers to create an extraordinary image of a hero who is sharply different from those around them and at the same time captivates the hearts of other characters and the reading audience. The main characteristics of the central characters in the novels are traits inherent in a Christian personality: sincerity, straightforwardness, a childishly open heart, the absence of selfish aspirations that are perceived in society as stupidity; patriotism and devotion to Orthodoxy as the spiritual foundation of the Russian nation. The images of Serebryany and Myshkin are united by their key motives of foolishness and self-sacrifice, which symbolize their special mission – to serve as moral guidelines for a society that has lost its ideals; become a seed from which goodness and truth can sprout in future generations. Numerous echoes and connections in the plot and figurative structure of the works under study have been identified, which allows us to conclude that when creating the image of Prince Myshkin, Dostoevsky used not only the experience of European classics (Cervantes, Dickens, Hugo), but was also inspired by the artistic example of his compatriot, A. K. Tolstoy.

Key words: A. K. Tolstoy, F. M. Dostoevsky, Prince Serebrenni, Prince Myshkin, “positively beautiful” hero, literary tradition, Christian axiosphere.